

Алекс Норк

ЧЕТЫРЕ ***С ПОЛОВИНОЙ***

Алекс Норк

Четыре с половиной

«Автор»

2010

Норк А.

Четыре с половиной / А. Норк — «Автор», 2010

Русский мультимиллионер оставляет наследство четверем родственникам, которые должны разыграть его жеребьевкой. Выигрывает только один, но если он не сможет вступить в наследственные права, имущество делится между тремя остальными. Судьба способна распорядиться по-разному, и от ее решения зависят четыре детективных сюжета.

© Норк А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть I.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алекс Норк

Четыре с половиной

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I.

Стена бежевого шлифованного кирпича оставляла для обзора только зеленую крышу особняка в глубине территории, куда можно было попасть через раздвижные ворота либо через стальную дверь, тоже сейчас закрытую.

По другую сторону асфальта – лес.

Человек, выбравшийся из такси, посмотрел туда, на стволы сосен – желтоватые у крон, с прятавшейся в желтизне краснотой, которая улавливалась ощущением, а не зрением.

Таксист вынул из багажника небольшой чемодан, поднес и вежливо попрощался. Подумал, видно, что клиент прибыл домой.

Пожилой человек с этим «монтировался» – в летнем костюме хорошего импорта, загорелый, с короткой стрижкой, умело скрывающей наступившую уже редкость волос, еще привлекали глаза – очень спокойные, с командным чуть выражением.

Человек повернулся к высокой кирпичной стене, но не двинулся, ожидая.

Тихо.

Слышен только, уже издали, звук уходящей машины.

– Здравствуйте, Сергей Петрович.

– Здравствуй, Алексей.

Мужчина лет тридцати, спортивный, немаленьких габаритов, поспешил навстречу и, обгоняя желание возразить, ловко отобрал у приехавшего чемодан.

– Да, Сергей Петрович, такие вот дела, жить бы еще и жить...

Человек приостановился у открытой двери.

– Нет, Леша, жить ему было нечем.

– Шутите, Сергей Петрович, столько всего?

– Вот. Ты у него четыре года?

– С лишним.

– А часто видел веселым?.. Можешь не отвечать. Он, Леша, по натуре чемпион, а когда выиграл все и понял, что финишных ленточек больше не будет, – человек шагнул внутрь, – тогда жизнь и кончилась.

Сзади щелкнула замками стальная дверь, а прибывший увидел знакомый фасад с бельэтажем тонированного сплошного стекла; он продолжил вслед сказанному:

– Думаешь, трудно ему было сердце подлечить? Даже при этих делах? – два пальца коснулись шеи. – Не хотел, говорил: мне судьба не велит.

Оба пошли по зеленому ухоженному газону.

– Родственники все собрались?

– Да.

– А когда назначены похороны?

– Не назначены пока.

Гость приостановился и вопросительно посмотрел.

– Тело набальзамировано, в морге сейчас. Тут, Сергей Петрович, такая история...

–О–

– Завещание, господа, я оглашаю в присутствии свидетелей. Вы, молодой человек?..

– Алексей, начальник охраны.

– Не «Алексей», а полностью – фамилия, имя, отчество. Вот в этой графе, и внизу под ней – число, подпись. И вы.

– Это мой сотрудник.

– То же самое, следующие две графы ниже.

Трое мужчин и женщина расположились в креслах просторного нижнего холла. Нотариус стоял напротив этого полукруга, рядом с изящным инкрустированным столиком, низким, и потому неудобным для двух молодых людей, ставивших свои фамилии и подписи на бумагах.

Справившись, они отошли в сторону и дисциплинированно замерли.

– Сейчас, господа, я оглашу завещание, но прежде прошу ваши паспорта.

Произошло шевеление, мужчины встали, женщина, вынув из сумочки, протянула одному из них свой.

– А твой зачем?

– Ну, попросили...

Нотариус обратил внимание:

– Да-да, сударыня, и ваш тоже.

Процедура заняла малое время, документы вернулись хозяевам, а те – на свои места.

– Итак, господа, завещание составлено, – нотариус скороговоркой прочитал – где и когда, и что каждый получит полагающуюся ему копию. – Итак, господа, согласно воле покойного: «Наследниками моего имущества, состоящего...»

Он перешел на медленный темп.

А голос повысил.

После первой имущественной позиции сделал паузу.

Перешел ко второй...

Счета...

Недвижимость, зарегистрированная в России...

Недвижимость, зарегистрированная за границей...

Иные имущественные ценности...

Начали строиться в ряд.

Известный, наверное, по существу, всем присутствовавшим, ряд продолжался, а прибавляясь новым описательным пунктом, застывал общей конструкцией, которая, стало скоро казаться, лишь соприкасается с этим маленьким пространством и незначительными людьми. Ей не было места и там наружи, внутри бессмысленной кирпичной стены, непонятно зачем растущего рядом леса и тем, что могло быть за ним.

Кто-то нервно отрывисто кашлянул, а молодой охранник, не выдержав, прошептал:

– Это ж каждому и внукам, и правнукам...

Старший строго поднял в ответ указательный палец.

Но нотариус, наконец, закончил.

И ему самому понадобилась маленькая передышка, чтобы вернуть себя в прежний привычный масштаб.

Убедившись, однако, что всё на прежних местах, он снова опустил голову к раскрытой папке.

– ... «Объявляю своими наследниками двоюродного брата», – он назвал фамилию, имя, отчество, а брюнет лет пятидесяти толи вдохнул, толи выдохнул, – «сводного брата...», – светловолосый, постарше, сделал легкий кивок и уставился в пол, – «племянника покойной сестры...», – молодой человек рядом с женщиной не выдал в выражении ничего, но тут же вздрогнул и повернул к ней голову, – «и находящуюся с ним в браке...», – нотариус оторвался читать и посмотрел на женщину: – Вы тоже означены в числе наследников, сударыня.

Кажется, главное прозвучало.

Список имущественных позиций очень превосходил числом тех, кому было что-то положено, а любое в нем «одно» стоило... младший охранник опять захотел что-то сказать, но, не сумев выразить, лишь повел головой из стороны в сторону.

Молодой племянник покойного встал, желая разрядить нервные накопления, но был остановлен приказным почти тоном:

– Сядьте, пожалуйста, я не закончил.

Нарушитель попросил улыбкой о снисхождении, и опять установилась тишина, но не прежняя, а с живым человеческим фоном.

–О–

– Начал он, Сергей Петрович, по мелочи. Вам «зелеными» миллион...

– Кхы, по мелочи, говоришь?

– Ребятам по сотне, и мне триста штук. Нам эти деньги без всяких условий, а им...

–О–

– Условия наследования, господа.

Нотариус поставил на стол небольшую коробку.

И все-таки опять потребовал тишины, потому что в креслах начали обмениваться фразами, и кто-то у кого-то уже просил сигарету.

Только женщина обратила внимание на его слова и внимательно ждала продолжения.

– Все перечисленные денежные и имущественные ценности наследуются одним человеком путем предусмотренного завещанием жребия.

И она одна поняла сказанное.

Остальные лишь услышали слова, но не смысл, лица сделались слегка напряженными, с ощущением казуса, случившегося от собственного невниманья.

Нотариус, тем временем, вынул из квадратной коробки другую – поменьше и круглую – и снял с нее крышку.

– Здесь четыре разъемных шара, господа. Вы такие процедуры видели, конечно, по телевизору. Разнимаете шар, внутри на плоскости у одной половинки крест – это выигрыш. Пусто – проигрыш. В завещании предусмотрено время. У вас, господа, всего одна минута.

На столике появились небольшие песочные часы с маленькой желтой массой у верхнего конуса, тонкая струйка потекла вниз, разбрасывая на дне песчинки.

Нотариус, убедившись, что простенький механизм работает, снова обратился к аудитории:

– Итак, одна минута, а вернее сейчас... секунд пятьдесят. Не пожелавший или не успевший, господа, автоматически исключается из процедуры жребия.

Женщина уже подходила к столику, но прочие не вышли из столбняка.

– Прошу вас, сударыня. Но шар пока не раскрывайте.

Она чуть поводила сверху рукой, вдохнула и взяла.

– Благодарю вас. Осталось... секунд сорок. Прошу, господа. Впрочем, как вам угодно.

Теперь двое, вполне сознавая лишь, что нужно спешить, направились к столику и только один, поименованный раньше «двоюродным братом» удивленно поглядел на них, не двигаясь в кресле.

У коробки оба подошедших ускорились, и тут же замешкались, не зная, который шар взять...

Но получилось.

Теперь и они вдруг поняли, во что играют.

Нотариус обратился к последнему:

– У вас еще есть пятнадцать секунд.

Сидевший в кресле не то чтобы понял, но что-то в нем заработало.

Наконец встал.

– Побыстрее, – произнесла женщина, на тонком красивом лице смешались досада и нетерпение.

– Да пусть его, – одернул муж, а нотариус уставился на последний уходящий песок.

– Семь-шесть секунд.

Человек неуверенно шел, все с тем же растерянным чувством: «а, надо ли?».

Младший охранник, не выдержав, громко произнес «ой», струйка уже добегала из ничего, но на последних шагах человек проявил проворность и на ходу извлек шар.

– Вот!

Он, словно желая обрадовать остальных, поднял руку с ним вверх.

– Да, вы успели.

Похоже, и хладнокровному нотариусу это принесло облегчение.

– Свидетели, подойдите, пожалуйста, ближе.

Двое молодых людей сделали пару шагов, но нотариуса дистанция не устроила, он приказал встать с ним рядом.

– По разные стороны. Вы здесь, а вы... да.

Получилась своеобразная тройка с «председателем» посередине.

– Теперь, господа наследники, откройте ваши шары и продемонстрируйте нам результат.

Стало заметно, что никому не хочется это делать.

– Прошу! – подстегнул нотариус.

Руки людей задвигались, размыкая небольшие белые шарики...

– Внимание, господа свидетели. Итак? – прежде чем он продолжил, раздались вздохи, неясные звуки, «черт!» выговорила молодая особа. – Крест у вас, сударь, – рука нотариуса показывала на блондина – сводного брата покойного.

Тот никак не отреагировал.

Стоявший с ним рядом темноволосый, чуть не опоздавший к жребию человек, теперь проявлял подвижность – глядел на крест на чужом шаре, переводил взгляд на нотариуса, на другие лица, пытаясь в них что-то понять. В лице женщины заметна была переживаемая досада, но муж ее нашел в себе силы проявить благородное хладнокровье.

– Поздравляю, – он протянул руку счастливицу.

Тот, впрочем, таким вовсе не выглядел.

Переложив шар из правой в левую руку, но чтобы нотариус продолжал видеть крест, он ответил быстрым рукопожатием и вернулся в исходное положение.

–О–

– Интересная история.

– Это, Сергей Петрович, не самый финал.

– А что еще?

– Я тут записал... более или менее точно. – Старший охранник извлек бумажку: – «Наследник любой очереди вступает в права после похорон и не имеет права покидать территорию до дня похорон, а день назначается по общему согласию всех четырех». И еще сказано: «В случае отказа вступления в наследство, получившего это право по жребию, его физической или гражданской недееспособности после объявления завещания, наследство распределяется равными долями»... я не дописал, но между остальными, в общем. А что тут означает «гражданская недееспособность», Сергей Петрович?

– Гражданская?.. Психическая невменяемость или вынесенный по уголовному преступлению судебный приговор, вот что это означает. Любопытно. Ну, пойдем в дом?

– Пойдемте. Странно – «гражданская», а по «уголовному».

– Эта такая юридическая формулировка стандартная, Леша.

Они прошли к дому, где после газона начинался окаймляющий синеватый асфальт, и прямо с него ступили внутрь разъехавшихся на фотоэлементах панелей.

Глядевшие во внешность затемненные стекла невольно побуждали встретить приглушенность внутри, и что-то такое предусмотрел архитектор, желая поразить входивших воздушным

объемом еще более светлым и солнечным, чем давала снаружи природа, – свет шел через стекла и добавлялся вертикальной системой тоненьких шахт зеркального перископического устройства. Зайчики, проникавшие сверху, лезли озорными пятнами в зелень зимнего сада, росшую кругом в изобилии, бегали по ореховым перилам просторной лестницы, уходящей спиралью вверх. Хоть не от первого впечатления, гость все равно приостановился, поводит в стороны поднятой головой и даже вдохнул так, словно захотел вобрать в себя кусочек пространства.

– Хорошо здесь.

Но почти уже улыбнувшись, перехватил взгляд старшего охранника и ответил таким же – да, все это для них обоих очень скоро останется в прошлом.

Зимний сад обходил первый этаж с трех сторон, кроме противоположной, на которой находился бассейн.

Человек показал туда кивком головы:

– Работает?

– Да, чего ж ему не работать.

Оба увидели женщину, появившуюся рядом с розовым чайным кустиком, стройную очень, в темно-сером открытом платье, но не траурном, по фасону, скорее, – вечернем.

Расстояние было несколько большим удобного для взаимных приветствий, и охранник решил подействовать:

– Вы познакомьтесь тут сами. Я, Сергей Петрович, отнесу чемодан в вашу комнату.

– Спасибо, Алеша.

Прибывший повернулся к женщине, чуть постоял и сделал к ней несколько шагов. Та тоже сдвинулась ему навстречу.

– Вы с юга?

– Да, здравствуйте.

– Здравствуйтесь. Муж говорил, вы были другом покойного?

– В этом роде. Меня зовут Сергей Петрович.

– Елена.

– Припоминаю. Ваше имя как-то звучало – жена его племянника. Не ошибся?

– Правильно.

Она сдержанно улыбнулась.

Еще показалась мужская фигура метрах в пяти впереди, фигура сначала выдвинулась из-за увитой плющом перегородки, однако затем сдвинулась наполовину назад – опять расстояние было малоудобным для представлений, и приехавший лишь сделал кивок в ту сторону.

Женщина обернулась.

– Владимир... двоюродный брат.

– Да, тоже припоминаю. Но видеться не приходилось.

Средних лет человек расслышал слова и подтвердил их полуулыбкой.

– А что мы стоим, – она сделала знак рукой, приглашая в глубину зимнего сада.

Приехавший подчинился, показав даме идти вперед, и по дороге чуть задержался у розового куста с небольшими нераспустившимися еще бутонами – зелень сада была очень знакомой, а этот куст всегда особенно нравился. Дальше будет уютный грот с мягкими креслами, баром и фонтанчиком в напольной бронзовой вазе – место, где они, да, много сживали с покойным.

Приехавший обошел деревце с красноватыми листьями и сразу за ним увидел знакомый продолговатый стол, кресла, молодого человека на другом конце, и тот, старше, что был впереди, сел с ним рядом.

– Здравствуй, Аркадий.

Тот, привстав, поздоровался и поинтересовался для вежливой процедуры о том, как прошла для гостя дорога.

Бутылок на столе не было – только бокалы, гостю следовало распорядиться по этому поводу самому, у других имелось уже содержимое, а из бокала молодой женщины шли пузыри.

Человек, хорошо представляя выбор, тоже, было, подумал о стакане брют «Абрау-Дюрсо», не магазинном, конечно, а том, что привозили сюда по заказу, но позволительное для дамы мужчине в траурный день шло не очень, да и в машине подукачало.

Он подошел к бару, подумал у бутылочного многообразия...

Плеснул себе немножечко скотча и сразу выпил глотком.

Еще подумал, снял с крючка штопор, за его спиной пока никто не проронил ни слова.

Красное терпкое «Бордо» полилось в стакан – темное, уверенное в себе, как допускаясь к сбору этого сорта немолодые уже и благополучные французские женщины.

Приехавший возвратился к по-прежнему молчавшей компании и сел у длинного конца стола, оказавшись от остальных на некотором удалении.

Оно и лучше от табачного дыма, хотя легкие синие струйки быстро тянуло вверх.

У ближнего пустого кресла стоял недопитый стакан отлучившегося четвертого – стало быть, свободного брата умершего от первого по отцу брака, старшего его немного годами – угадавшего, значит, наследство по жребью.

Прочим, надо полагать, здесь невесело.

Человек хотел спросить про похороны, но не успел.

– Вы на пенсии или работаете, Сергей Петрович? – поинтересовался брюнет.

– Работаю. Благодаря вашему брату, кстати сказать.

– А кем, если не секрет?

– Руковожу, – человек приостановился и сделал большой глоток, – охраной крупной компании руковожу. – Он не стал опускать стакан и сделал еще – теперь так, чтобы интенсивный букет немного пополюскался по рту... – А когда похороны?

Ему не ответили и отчего-то переглянулись.

– Вы бывший военный? – женское резное лицо смотрело на него в пол оборота – внимательное и красивое.

– Я бывший следователь, Елена.

Гость поставил стакан и задумался.

О чем ему было сейчас?

Только о том, как быстро движется время, очень быстро, порою кажется – как поезд, вошедший в туннель, вот виден уже его маленький оставшийся хвостик.

– На этом поприще мы с ним и познакомились двадцать годов назад.

– Когда он сидел?

– Нет, перед этим. Я вел его дело.

Она теперь повернулась к нему, и дымчатые какие-то глаза стали шире.

– Вы его и посадили?

– Посадил. Аркадий, ты разве не знал эту историю?

– Нет.

Захотелось еще глотнуть, но человек решил досказать.

– Фарцовка. А где фарцовка, там часто валюта. С валютой – это двенадцать минимум. В начале восьмидесятых он к нам попал. Тогда никаких снисхождений. Он, помнится, тихо так проговорил: «Мать не доживет».

Человек мотнул головой, взял стакан, еще раз мотнул и выпил тремя глотками.

– Хе, мне закрывать уже дело, заключение писать, я даже ему потом не рассказывал – всю ночь не спал. Мы ж людей научаемся видеть. Другой на три года напакостит, а задушить бы мерзавца. А тут вижу, совсем не гнилой человек. И можно переквалифицировать на семь. С нарушениями, конечно. Но можно. Ну, где семь, там и пять через условно-досрочное.

Человек посмотрел на стакан, выпитый слишком быстро.

– Вот такие дела.

Что-то пробежало сразу между тремя, сообщившись через внутренний телефон, и человек понял это вроде комплимента в свой адрес.

Женщина вдруг энергично допила свой бокал.

Гость встал.

– Вам налить, Елена?

– Если можно... – она немного смутилась.

– Да, «Абрау-Дюрсо».

Он направился к бару, а мужчины и женщина, будто спрашивая друг друга, обменялись торопливыми взглядами.

– Так когда похороны?

– Вы присядьте, пожалуйста, Сергей Петрович, – вежливо попросил племянник.

– Ну, сейчас вот налью.

Он вернулся со стаканом темно-красного и светлым с пузырьками бокалом.

– Прошу вас, сударыня.

– Спасибо.

Послышалось движение в глубине зимнего сада от возвращавшегося четвертого родственника, чей недопитый стакан с белым вином стоял рядом, приехавший повернул в ту сторону голову – он только слышал от покойного о существовании сводного брата, но никогда его здесь не встречал, – однако, минуя деревцо с темно-зеленым стволом и красноватыми листьями, явился Алексей.

– Добрый день. Я хотел узнать, не требуется ли от меня чего? Сергей Петрович, вещи у вас в комнате.

Племянник Аркадий ответил за всех, что не требуется, а старший охранник вежливо сообщил что и так все знали – в случае необходимости достаточно позвонить. Домик охраны находился тут же на территории.

– А где ваш четвертый родственник? – приехавший спросил больше для разговора. – Подскажите, заодно, как его величают.

Племянник стал стряхивать пепел, двоюродный брат решил отхлебнуть, пауза, непонятно отчего, затянулась.

– Он умер, – тихо проговорила женщина.

Человек недоверчиво посмотрел – неуверенный, что не ослышался. Взгляд перешел с женщины на соседний бокал.

– А это вот чье?

– Его.

Даже менее значительные события требуют кое-каких подробностей, это написалось на лице человека – его левая бровь сдвинулась вверх и застыла.

– Э, позвольте мне, – начал двоюродный брат.

После этого он захотел вздохнуть, захотел откинуться на спинку кресла – то и другое не получилось.

– Мы незадолго перед вами сидели тут, обсуждали, ну, вы сами понимаете.

– Ни черта пока что не понимаю.

– Да. Мы обсуждали, так сказать, ситуацию.

Говоривший испытывал нехватку слов.

– Он почувствовал себя плохо?

– Нет. То есть, да, – рука показала на кресло: – Он умер.

– Вот здесь? – Человек тоже показал на кресло: – Ни с того ни с сего?

– М-м... в каком-то смысле.

– В смысле мгновенно, – добавила женщина.

Почувствовалось, ее очень раздражает начало, но она не знает еще, что с этим делать. Сам собой напрашивался вопрос:

– А куда вы дели труп?

И племянник заспешил вступить в разговор:

– Сергей Петрович, не подумайте чего-то дурного. Труп мы отнесли в подвал, там есть холодильная камера.

– Граждане, если имеется труп, то должна быть и милиция.

Сразу же попытались сказать все трое.

Прежде всего, что не нужно спешить, надо подумать «как лучше», разобраться и... женщина сформулировала, наконец, в более отчетливом смысле:

– Мы все трое являемся наследниками второй очереди. По завещанию...

Гость, чтобы не выслушивать, поднял руку:

– Алексей мне про завещание уже рассказал, – все, глядя на него, замолчали. – Только что вас смущает?

– То, что нас всех арестуют к хреновой матери.

– Подожди, Аркадий, – начала его жена, но тот не стал ждать и, отправившись к бару, довел мысль до конца: – Обвинят, и мы получим шиш вместо наследства.

Судя по всему, он выразил главное, так как другие к этому ничего не добавили.

– А что может произойти, если вы его не убивали?

Центр вопроса отчетливо слышался в первой, а не второй его части, двоюродный брат, тем не менее, глядя человеку в глаза, испуганно закачал головой и даже отвел от себя такое руками.

– На вас, Владимир, никто пальцем не тычет, – недовольно сказала женщина в ответ на подчеркнуто персональное отмежевание, – но в завещании есть что-то вроде коллизии. – Она посмотрела на гостя: – Это так на юридическом языке?

– Ну в общем, правильно.

– Мы не убивали, но ситуацией могут воспользоваться.

– Кто, например?

– Сергей Петрович, мы живем в бандитской стране – вы это отлично знаете. Да хоть коллеги ваши. Да кто угодно.

Волнение в ее глазах вдруг исчезло и появилась пристальность.

– Вы, извините, с работы в органах давно ушли?

– Давно.

– Сами?

– М-м, сам.

Гостю вопрос не понравился:

– При чем здесь моя биография?

– Притом, что вы опытный специалист. Если речь идет о четырехстах миллионах долларов, могут ваши коллеги вместе с прокуратурой, вместе с властями местными нас взять в обработку?

Там, наружи, облако закрыло солнце, в воздухе и в зелени вмиг исчезли золотые блики, свет стал строгим, словно о чем-то предупреждающим.

Женщина продолжала:

– Например, мы от всего отказываемся и дело закрывают? Или еще лучше: всех сажают за убийство поговору, имущество переоценивают – один к десяти, дальше рассказывать?

– Тут одних картин миллионов на двадцать, – муж, вернувшись, сел в кресло и полез в пачку за сигаретой, – два-три дня и готово – уже висят копии, – и, шелкнув зажигалкой, дополнил: – пока мы будем сидеть в пресс-камерах.

Гость поморщился:

– Ну, вы уже без всякой меры нафантазировали.

– Ничуть! – струя дыма, тоже не соглашаясь, метнулась в воздухе. – Если б речь шла о четырех миллионах, я бы еще подумал.

– И то, – остерегая, сказала супруга.

– Да. Четыреста миллионов, и даже с лишним. Это какой дележ?! Страшные деньги толкают на страшные вещи.

– Правильней, на любые, – снова уточнила жена.

На него смотрели три пары глаз, две настойчиво и одна почти умоляюще. Эти глаза опустились вниз, а губы почти прошептали:

– Черт бы подрал все эти богатства.

– Ой, Владимир, не надо! – молодой человек брезгливо дернул щекой. – Лучше подумать, как с их помощью из этого выбраться.

Но супруга внесла свое предложение:

– Нам нужна ваша помощь, Сергей Петрович.

– Моя? А в чем вы ее видите?

Он сразу еще спросил:

– Охрана пока не знает?

Аркадий ответил, что «нет», а его жена совсем обрела уверенность, и села свободно – перекинула ногу на ногу, изящно удлинненную вниз от колена – модельная вся какая-то девочка.

– Мы хотим от вас очень простого, Сергей Петрович, – профессионально разобраться в ситуации. Подготовиться, понимаете?

– Знать, какие давать ответы, – неуверенно добавил брат Владимир.

Человек, видимо, собираясь категорически возразить, приподнял руки, намереваясь хлопнуть ими о ручки кресла, но, придержав порыв, опустил их на подлокотники.

– Скверная какая история, ф-у.

Однако же те слова, которые он недавно назвал фантазией, видимо, показались ему все-таки не совсем таковыми.

– Ладно, еще раз, и в подробностях – как он именно умер?

Сразу попытались заговорить три голоса, гость сделал им знак рукой приостановиться.

– Нет, давайте-ка вы, сударыня, у вас выходит почетче. Вы, кстати, кто по образованию?

– Я филолог, германист.

– Вот, давайте с немецкой точностью.

Женщина, кивнув, позволила себе небольшую паузу.

Потом начала:

– Я постараюсь быть максимально последовательной.

– Да, и начните уж тогда со вчерашнего вечера.

– Со вчерашнего... хорошо.

Человек вспомнил про свой «Бордо» и быстро отпил.

И племянник Аркадий напротив него сделал то же самое.

Супруга недовольно взглянула:

– Ты не гони, а то и будешь как раз как вчера.

– Вчера мы попросту напились, – пояснил тот.

Владимир, впрочем, слегка поводит головой и всей грустной физиономией дал понять, что к нему это не совсем относится.

– Да, перебор был, – начала снова Елена, – все это так на нас опрокинулось, что не шло в голову.

– Лучше сказать, – снова вмешался супруг, – влезло туда, но не помещалось.

– И первым, – добавил Владимир, – напился как раз Олег.

– Покойный?

- Да.
- А мне показалась, – Елена взяла свой бокал, – он не напился, а сыграл сильное опьянение.
- Зачем?
- Чтобы избежать неприятного разговора. Мы же можем блокировать, во всяком случае на какой-то срок, похороны, а значит и вступление в наследство. Ведь ты его укладывал, Аркадий, он, по-твоему, был действительно пьян?
- М-м... я сам был того...
- Владимир напомнил:
- Мы с тобой нашли в аптечке снотворное, ты что, не помнишь, и он быстро заснул.
- Ну... да.
- Нет, – обратился он уже к гостю, – мне не показалось, что Олег что-то изображал.
- Хорошо, – тот энергично качнул головой, – вчера вы невесело, но погуляли. Давайте теперь, сударыня, про сегодняшний день.
- Сегодня Владимир зашел утром к Олегу.
- Мы с Аркадием встретились в коридоре и решили его разбудить, но он сам уже поднимался, – включился брюнет, – согласился скоро спуститься и всё обсудить.
- Человек кивком попросил продолжать.
- Вот мы и собрались, – она посмотрела на ручные часики: – Это было ровно два часа назад.
- С этого момента не упускайте, пожалуйста, ничего.
- Постараюсь. Мы с Аркадием уже были здесь, затем спустился Олег и скоро пришел Владимир.
- Тот взглядом поддержал сказанное.
- В те две-три минуты, пока не пришел Владимир, естественно, не говорили о деле.
- Еще раз поточнее – о каком именно деле.
- Я уже раньше сказала – нельзя же остальным остаться ни с чем.
- Да, понял. И какие вы собирались выдвинуть требования?
- Ответила не она, а муж:
- Мы, собственно говоря, не успели их выработать вчера...
- Человек досказал:
- По уже понятным причинам.
- И перевел взгляд на женщину.
- Да, – проговорила она, – это следовало сделать сегодня, что называется, уже в рабочем режиме.
- В процессе торговли?
- Ну, если вам так угодно.
- А что здесь плохого? – обидчиво произнес Аркадий.
- Ничего плохого, я без иронии. Продолжайте, Елена.
- Олег поздоровался...
- Извинился за то, что вчера перебрал, – добавил муж, – да я сам был хорош.
- Его супруга нетерпеливым жестом показала, чтобы не лез больше с глупостями.
- Олег пошел к бару, открыл вон ту бутылку вина...
- Гость, взглянув в направлении ее указательного пальца, сделал знак приостановиться, встал и подошел к бутылочным линиям.
- Какую именно?
- Светлую, «Псоу», видите, пробка торчит?
- Вижу.
- Он повернул назад голову и пригляделся к стакану, выпитому примерно на две трети.

Снова посмотрел на бутылку, в которой не хватало, похоже, именно налитого в стакан объема.

Потом, взяв салфетку, поместил бутылку куда-то вниз.

– Никто, кроме покойного, бутылку не трогал?.. И не трогайте.

Человек вернулся на место.

– Вы точно, Елена, помните, что он откупорил бутылку?

Опять с ответом поторопился Аркадий:

– Тем штопором на крючке, на наших глазах, – и на всякий случай осторожно взглянул на жену.

– Да, тем штопором.

Она сделала паузу и сосредоточилась.

– ... Олег сел к нам... выпил... тут появился Владимир...

Тот покивал головой:

– Я тоже себе налил вина, но из другой бутылки, – он попытался показать назад, куда-то, рукой.

– А я уже собиралась начать интересующий нас разговор. Олег вдруг сказал: «душно-вато». Даже подергал слегка себя за рубаху. Выпил еще, я опять собралась начать, а Аркадий спросил его: «Тебе нехорошо?»

– Ага, лицо у него стало бледным. Я подумал – не дай бог с сердцем что-то после вчерашнего.

– Я опять подумала, что это какая-то хитрость, как вчера вечером, – она подняла в сторону мужа руку, чтоб не мешал. – Но тут Олег начал подрагивать и хрипеть.

– Сипеть, – все же поправил муж, – даже с маленьким свистом.

– Пожалуйста, если по-твоему есть принципиальная разница. Потом сильно вздрогнул, и его голова свалилась на грудь. Владимир был ближе, попытался помочь.

– Я запрокинул голову.

– Мы тоже оказались рядом, стали прощупывать пульс, – она нервно кашлянула, – пульса нет, зрачки застыли.

Человек взглянул на свой стакан с вином, но мельком, и, не став к нему прикасаться, поднялся из кресла.

Затем, заложив руки за спину, сделал несколько шагов в глубину зимнего сада, постоял несколько секунд спиной к публике... повернулся и возвратился назад, но не сел в кресло, а остался стоять рядом с деревцем с темным стволиком и красноватыми листьями... раздумывая, потрогал листок.

– А теперь вот что вы мне уточните – этот Олег сразу выпил вино? – он указал на недопитый бокал. – И пожаловался тут же на духоту?

– Нет, – почти вместе проговорили женщина и ее супруг.

И она, подняв чуть глаза, пояснила:

– Олег сел, сделал пару глотков...

– Тут пожаловался, что ему душно, – добавил Аркадий, – ну и в смысле «после вчерашнего»...

– Да, так примерно, затем появился Владимир, еще прошло около минуты... а дальше, как я рассказывала.

– А пил, – человек опять указал на бокал, – один раз или несколько?

– Два или три, – уверенно произнес Аркадий.

– Так-так.

Человек подумал, опять помял пальцами лист и посмотрел неприязненно на все деревце, словно виноватое в чем-то.

– Посидите все здесь пока.

– А вы? – робко спросил Владимир, и в вопросе прозвучало желание услышать в ответ что-нибудь утешительное.

– А я скоро вернусь.

Сначала, впрочем, он подошел к бару взял там салфетку, вернулся и прихватил через нее за нижнюю часть недопитый стакан.

Кажется, публике это не очень понравилось.

Когда раздвинулись дверные панели и человек ступил наружу, воздух показался ему жарким и уж никак не свежее, чем там внутри, где никогда не было и не могло быть никакой духоты.

Да, при сердечной недостаточности люди испытывают нужду в кислороде, но схватывают воздух сильно и глубоко, а тут «сипение» – слишком похоже на дыхательный спазм.

Его увидели из окна двухэтажного домика, где в нижней части находились общие помещения и диспетчерская, а наверху личные комнаты охранников.

Алексей поспешил выйти навстречу.

– Сергей Петрович, а почему не вызвали?

– Так, Леша, прогуляться решил.

– Случилось что?

– М-м, давай вон присядем в тенек на лавочку.

Зашли за угол.

Человек поставил стакан прямо на асфальтовую полосу у стены дома, а прежде чем сесть, скинул пиджак и аккуратно положил его на скамеечную гладкую доску.

– Скажи мне, пожалуйста, ты ничего не знал об этой предусмотренной завещанием жеребьевке?

Старший охранник отрицательно мотнул головой.

– А кто-то из них, – рука показала в сторону особняка, невидного сейчас за углом, – кто-то мог, по-твоему, знать?

– Ну... спросите что-нибудь полегче, Сергей Петрович.

– Хорошо, полегче. За время с последнего моего приезда, кто и как часто здесь побывал?

– Это сейчас припомню. – Молодой человек, размышляя, вскинул голову. – Всего визитов было не так уж много. – Аркадий приезжал раз шесть. Один раз приехал с женой, потом без нее. – Он вдруг отвлекся: – А красивая женщина, Сергей Петрович, выразительный минимализм.

– Как ты сказал?... Да, неплохое определение.

Тот довольно в ответ улыбнулся.

– А в последний раз Аркадий когда приезжал?

– Пару недель назад. Могу точно вспомнить...

– Не надо точно. Ты ничего особенного в тех визитах не заметил?

– Да вроде бы ничего. Хотя вот в последний раз они с хозяином хорошо на грудь приняли, и племянника Макар домой теплого отвозил.

– Он здесь сейчас?

– Да где ж ему, кликнуть?

– Ага.

Алексей встал, зашел за угол и громко позвал подчиненного.

И не успел вернуться и сесть, как следом появился белобрысый, под короткую скобку стриженный парень.

– Здравствуй, Макар, – гость, привстав, протянул ему руку. – Ну, куда ты телят гонял?

– Ка-ких телят? – тот улыбнулся почти во все зубы.

Его начальник откорректировал почти приказным тоном:

- Аркадия ты не так давно домой отвозил.
- Было.
- Вспомни, как он вел себя по дороге.
- Курил все время, мне аж в глаза полезло.
- Еще вспоминай.
- Болтал пустяки всякие. Потом про хозяина говорил, про здоровье, мол мы следить должны. Спрашивал, приезжает ли врач.
- Про состояние что ли выводывал?
- Ну, можно сказать, интересовался. И про другую родню спрашивал.
- Часто ли здесь бывают?
- Ага.
- Парень замолчал, и на лице явилась выжидательная улыбка.
- Ладно, Макар, иди, – разрешил начальник.
- А когда тот исчез за углом, спросил:
- Сергей Петрович, правда, ничего не случилось?
- Случилось кое-что, но ты мне сперва дальше про посетителей расскажи.
- Да нечего почти. Три раза приезжал Владимир. А Олег этот, сводный брат, вообще тут никогда не появлялся. Только знаете что, Сергей Петрович, в последние месяцы хозяин сам начал часто в город выезжать.
- Куда?
- В том-то и дело, что без нас. Садился в бронированный «Мерс», и на все мои слова про безопасность отмахивался.
- Надолго уезжал?
- Так, часа на четыре.
- Вот что Алеша, перескажи мне еще раз про всю эту жеребьевку, не торопись и в подробностях.
- Хотя беспокойство за что-то ему неизвестное, стало видно, усилилось, тот дисциплинированно подчинился.
- Ты не торопись.
- Молодой человек, приподняв слегка голову, как делают люди, чтобы взгляд не ловил постороннего и не мешал вспоминать, начал говорить медленно, и все-таки слегка затрудняясь, не понимая вполне, что именно может быть важно.
- Гость слушал.
- Слушал, не уточняя вопросами.
- Как профессионал он ждал, что «свидетель», постепенно дав волю памяти, сообщит не только отдельные факты, но и впечатления, в том числе неосознанные вполне им раньше самим.
- Оно скоро и вышло.
- Мне вот сейчас кажется, Сергей Петрович, Елена эта, вроде бы, ожидала чего-то такого.
- Какого-то сюрприза в завещании?
- Ну, не уверен я, конечно.
- А остальные?
- Нет. Пентюх этот Владимир вообще чуть все не проспал. И те двое не сразу въехали. Хотя вот Аркадий...
- Что?
- Легко очень принял чужую удачу.
- Поздравил, говоришь, сразу?
- Ага. И вчера, когда я вечером к ним заходил, в хорошем был настроении.
- Сильно пьяный?

– Мне не показалось. Хотя дальше к ночи не знаю, как там у них было.

Теперь, выполнив, что от него требовалось, молодой человек опять забеспокоился, и тому вдобавок служило сосредоточенное и с каким-то недобрый оттенком лицо собеседника.

– Сергей Петрович...

– Труп там, на подведомственной тебе территории, – он ткнул большим пальцем за угол, – труп Олега, сводного брата.

– То есть, не понял.

– То есть спустился он в бар, где его ожидали Аркадий с Еленой, и скоро присоединился Владимир, открыл бутылку «Псоу», выпил граммов сто пятьдесят в два или три приема и умер, судя по словам всех трех, вдруг в течение нескольких секунд. А от себя добавлю: с признаками не сердечной недостаточности, а паралича верхних дыхательных путей.

– Верхних дыхательных?

– Их. – Гость внимательно посмотрел в глаза молодому человеку. – Тебе, как бывшему офицеру спецназа, такое ничего не говорит?

– Получается... на яд циановой группы смахивает?

– Вот.

– Пойдите, Сергей Петрович, – парень от волнения привстал и снова опустился на лавку, – вы сказали – он выпил вина несколько раз, почему после первого глотка не подействовало?

– Тоже вопрос.

– Значит, яд был на дне стакана – соляные кристаллы какие-нибудь.

– Я тоже, было, так подумал, – его голова недовольно качнулась. – Только уж очень нескладно все это выглядит.

– Почему нескладно? Вы же сказали, они сначала сидели втроем – Аркадий с женой и, как его теперь называть, погибший.

– Сказал.

– Так супругам проще простого договориться – кто-то один отвлек, другой сыпанул в стакан. Яд, понятное дело, растворился не сразу.

Гостю сказанное совсем не понравилось, он, взглянув на молодого человека, даже поморщился.

Тот, поняв, что поторопился, быстро отреагировал:

– Да, их алиби, я не подумал – грубо слишком так себя подставлять.

– И не только. Если они были в сговоре, кто мешал им вчера наследника травануть? Грамотно, чтоб по возможности примешать к этому делу Владимира.

– Верно. Только, Сергей Петрович, почему у нас с вами об этом должна голова болеть, пусть милиция с прокуратурой и разбираются.

– И я им то же сказал.

– А они?

– А они здравую мысль выдвинули.

– Какую?

– Что прокуратура с милицией и администрацией вашего богоносного города сделают все возможное, чтобы наследство это к рукам прибрать. Как ты думаешь, сколько воронья налетит?

Молодой человек вздрогнул, приоткрыл рот – неожиданная перспектива застала его врасплох и потребовала неприятных раздумий...

Он сильно втянул ртом воздух и, выдохнув, произнес:

– Да все воронья налетит.

– И еще прикинь – оставят тебя при этом в покое?

– Что вы имеете в виду?

– А то, могут давить на тебя, чтобы дал на них ложные показания. Ты, например, мог слышать, как все трое сговаривались отравить этого Олега.

– Да вы что, Сергей Петрович, я ничего такого не слышал!

– Конечно. Только это очень удобный для них ход. И подчиненных твоих в оборот возьмут.

– Тыфу, пакость! Я копейки за всю службу не прикарманил, и ребята мои...

– Ты мне это не рассказывай. Ты трезво на все взгляни.

Было видно – старший охранник и хотел бы, да нервы не очень слушались, и человек положил на плечо ему руку.

– Может и не так все будет, Алеша, а может и так.

– Да так, Сергей Петрович, так!

Он повел головой из стороны в сторону и вздохнул два раза быстро и глубоко.

– И методы их я заранее знаю. Припишут пропажу ценных вещей из дома и начнут под это нас всю охрану прессовать. Я ж честный человек, Сергей Петрович, я клепать на людей не стану. Если хотите знать, я почти как и вы из органов ушел.

– А откуда ты знаешь, как я ушел?

– Хозяин рассказывал.

Оба замолчали.

Ветерок вдруг решил подуть, и полуденный жаркий воздух сделался посвежее. Серо-коричневый воробей, явившийся в двух метрах от них, начал попрыгивать, очень довольный своей беззаботностью.

– Вот как поступим, Алеша. Лимит времени небольшой у нас еще есть. Первое твердо запомни – я тебе ничего не рассказывал. Ты пока ничего не знаешь. И ребятам ни гу-гу.

– Спасибо, Сергей Петрович. А делать что?

– Ключи запасные от гостевых комнат у тебя есть?

– Есть.

– Дашь их мне. Теперь нужна ручка и бумаги листок.

Требуемое оказалось в нагрудном кармане, и молодой человек приготовился писать.

– Нет, дай я сам.

Гость стал что-то выводить, разборчиво, крупными буквами.

Подумал, куснул тупой кончик ручки, и еще дописал.

Молодой человек деликатно посмотрел на бумажку.

– Ты, Леша, сам эти названия в голову не бери. Это вполне известные реактивы. Но изволь, брат, их мне быстро доставить. В городе ведь есть медицинский институт?

– И другие есть.

– Нет, в первую очередь туда. К фармакологам. Как у тебя с деньгами?

– Три тысячи баксов на хозяйственной карте.

– Хватит им и пары сотен. Садись в машину, и влет.

– Понял, товарищ начальник! – оттого что возникли реальные действия, он успокоился и улыбнулся. – Только сбегаю за гостевыми ключами.

– И еще купи сильную лупу.

Через несколько минут человек снова вошел в дом, и часы у входа показывали, что он отсутствовал меньше четверти часа.

На связке четыре ключика с разноцветными головками – синей, зеленой, розовой и золотой – четыре гостевые комнаты были оформлены каждая своим цветом. Он всегда останавливался в «золотой», и этот ключ-дубликат не был нужен, а вот остальные, и в первую очередь синий, сейчас понадобятся.

Подняться можно было по центральной лестнице и двум внутренним – одна из них шла от бара, и человек, чуть подумав, решил поддержать компанию в неведении и направился от входа вверх по центральной.

Синяя – комната Олега.

Через несколько шагов по знакомому коридору он увидел дверную ручку с синим ободом.

От поворота ключа дверь сама пошла внутрь.

Комната оказалась в солнечном свете, человек приостановился у порога, пришлось немножко пощуриться.

Не застеленная кровать... а так, не бросается в глаза беспорядок.

Он прошел дальше внутрь и с середины комнаты начал обводить все взглядом, понемногу поворачиваясь против часовой стрелки.

Пару раз его взгляд, становясь пристальнее, задерживался на чем-то, но затем принимал прежнее спокойное выражение.

А когда круговой обзор закончился, человек быстро осмотрел встроенный шкаф, затем так же быстро прошел в ванно-туалетное помещение и пробыл там не больше минуты – следовало, решая основную задачу, экономить время, которое, убывая, делало и его уязвимым предусмотренной законом статьей о намеренном сокрытии сведений о случившемся преступлении.

Или не преступлении, а просто смерти от перепоя?

Сумка вещевая дорожная.

Содержимого было немного совсем – сначала оно переключалось на кресло, затем скоро поместилось назад.

Собираясь выйти, он чуть задержался, взявшись за ручку двери, обдумывая что-то из здесь увиденного, а затем снова заторопился.

В коридоре человек вернулся на несколько шагов назад и выбрал ключ с зеленой головкой для предыдущей комнаты, находившейся по этой же стороне.

Второе помещение отличалось от первого интерьером зеленого, а не синего, тона, при тех же размерах и мебелировке.

И тут визитер пробыл совсем недолго. Зашел в санузел, а возвратившись в комнату, бегло обвел ее взглядом, нервно пощелкал пальцами, задержал взгляд на столике, где кроме фирменной бутылки с водой, пустого стакана, лежал носовой платок и журнал. Вдруг, присматриваясь еще на ходу, он быстро приблизился.

Простота предметов не оправдывала вызванного к себе внимания, но на лице человека нарисовалось непонятно с чем связанное напряжение... однако всего на несколько секунд. Он, не любивший ручных часов, поискал глазами и увидел небольшие часики рядом с постелью на тумбочке – двадцать одна минута, как он покинул тех в баре внизу. Но опять явилось напряженное выражение, и пальцы правой руки прощелкали кастаньетный звук.

Оттого, что время бежит?

Нет, скорее радуется, что его прошло очень мало.

А взгляд все равно упирается в часы.

– Ага...

Щелчки приостановились, и прозвучало второе «ага» – теперь с другой интонацией – слегка вопросительной.

Снова коридор – оставалось еще осмотреть «розовую», располагавшуюся по другой стороне.

Оказавшись внутри, человек вдруг задумался, и даже, чуть склонив голову, положил правый указательный палец вдоль носа до переносицы.

Простоял он так, впрочем, недолго.

А возвратясь в прежний режим, начал быстро открывать створки шкафов и ящичков, встав на колени, заглянул под постель, потом, быстро поднявшись, проследовал в туалетный блок.

И тоже пробыл там недолго.

Вернувшись, приостановился и поглядел на часы – такие же, как в соседней комнате, только другого цвета.

– Несанкционированный обыск?

– А вы хотели санкционированный? – человек не повернулся к дверям.

– И удалось что-нибудь?

– Скажите, Елена, вы знали об этой жеребьевке?

– Нет, разумеется.

Теперь он обернулся в пол оборота.

– А ваш муж?

Она дернула плечиками.

– Не думаю.

Ответ гостю показался немного странным, а на лице нарисовалось неудовольствие.

– Я, кажется, просил дожидаться меня в баре.

– А я, прогуливаясь по зимнему саду, заметила, как вы подошли к дому, но потом не появились.

Человек качнул в ответ головой, но не ей, а, по-видимому, каким-то мыслям в себе, сложил было средний и большой палец, но удержал себя от пощелкиваний.

– Ладно, пошли к остальным.

Он первый устремился на выход и, лишь вспомнив о любезности в коридоре, подождал выходящую даму и прикрыл за ней дверь.

Понуждая ее идти быстрым шагом, человек, адресуясь назад, спросил:

– Вы сами, Елена, вчера вечером в каком состоянии были?

– Что? Ах да... нет, я была вполне под контролем.

Свернули от коридора вбок, где начиналась небольшая лестница вниз прямо к бару.

– А Владимир?

– Так, – в голосе прозвучала неопределенность, – крепкого он, кажется, вообще не пил.

С последних ступенек лестницы кроме двух сидящих в креслах людей обнаружился еще один – охранник, но не Макар, а другой, которого гость мало знал. Знал только, что парень получил лет шесть назад сильную контузию при спецоперации на Кавказе, Алексей подобрал его, бедствующего почти, и они с Макаром относились к нему очень заботливо.

Двое за столом, показалось, изучали нечто похожее на ресторанный карту, а Аркадий делал отметки ручкой.

Оба сидящих подняли головы, и Владимир несколько виноватым голосом произнес:

– Мы заказываем обед.

Как-то выскочило из головы, что в этом доме никогда не было повара, и обед и ужин заказывался в недалеком отсюда очень хорошем загородном ресторане – система, стало быть, продолжала работать.

Охранник вежливо ожидал в стороне, там за креслом, недавно покинутым гостем, где стоял недопитый наполовину стакан с темным терпким «Бордо». Человек прошел к своему месту, однако не сел, а взяв стакан, отправился к бару и оттуда уже, увидев, что прочие закончили процедуру выбора, проговорил, зная наперед имевшееся в постоянном выборе:

– Язык в молочном соусе, крабовый салат, ну овощи, само собой, – он вскинул глаза, показывая вверх: – И ему то же самое.

Темные зрачки Елены мелькнули в его сторону с благодарностью за догадливость, упущенную, конечно же, остальными.

Все же такого вкусного вина больше нигде не выпьешь, и человек, прежде чем долить полный стакан, не удержался и допил остававшееся.

А возвращаясь к своему креслу с полным уже, приостановился, глядя вслед удалявшемуся с отметками в меню охраннику. С этой позиции, у красноватого деревца, можно было проследить сквозь зелень его движение до конца. Деревце это или куст?.. Много здесь всякой мудреной растительности. Он повернул голову к сидевшим за столиком, уже приоткрыл рот... но замер, и как-то осторожно потом возвратил голову в прежнее положение. Охранник как раз добрался до выхода.

Человек простоял так, со стаканом в руке, еще с полминуты, и отправился к креслу, лишь когда глазастая Елена сообщила всем громко, что видит охранника уже наружи. Круглые часы на верхней панели бара показывали, что с момента ухода отсюда на все процедуры ушло всего двадцать девять минут.

Аркадий тоже вслед его взгляду посмотрел туда на часы.

– Сколько мы можем еще так тянуть? Нехорошее ощущение – мы не в одно так в другое вляпаемся.

Гость, показалось, и согласился, и не вполне:

– Ну, экспертиза вообще определяет смерть с погрешностью. Считайте, что она произошла на час позже, однако торопиться надо, Аркадий прав.

– Кроме того, – включилась его жена, – мы можем сказать... что вы улыбаетесь, Сергей Петрович?

– Хорошо соображаете, сударыня. Имели ввиду: он неважно себя почувствовал и заявил, хочет пару часов поспать? То есть, мы его еще не обнаружили?

– Браво!

Муж намерился поцеловать жене руку, но та воспротивилась.

– Что «браво», дело-то на нуле. Или нет, Сергей Петрович?

Тот уклончиво повел головой, посмотрел на приятно полный стакан...

– Значит, Олег вчера к ночи находился под сильным градусом, хотя вам, Елена, показалось, что он более вменяем, чем выглядит, и старается использовать опьянение, чтобы уйти от разговора на неприятную тему, так?

– Ну, я не очень настаиваю.

– Ты, Аркадий, как я понял, и не можешь ни на чем настаивать.

– Не могу!

– А вы, Владимир?

– Я тоже был немного в тумане.

– Но Олега вы все же побеспокоились спать уложить.

– Да, вместе с Аркадием.

– Ха, это я, в общем, помню, – тот продолжал находить в пьяной истории юмор.

– А на ночь, дали ему, вы говорили, снотворное?

Владимир закивал головой:

– Да, Аркадий нашел где-то в аптечке.

– А почему была необходимость в снотворном?

– Собственно, – Владимир посмотрел на молодого человека, развалившегося в кресле, – это, помнится, была твоя инициатива.

– Моя? Н-ет, не помню. А, наверное потому, что мы хотели все-таки обсудить без него наши требования, выработать, так сказать, цифровые позиции. Лен, ты еще сказала: «Снотворное ему что ли дать»? Когда он начал петь «конфеты-бараночки».

– Не мели ерунды. К тому времени уже было ясно, что обсуждать с вами что-либо совершенно бессмысленно. Сергей Петрович, вы задаете сейчас вопросы по существу? Простите, мне кажется, дело висит в воздухе без всякого плана.

– Ну, – человек потянул руку к стакану и задержал ее там, – если я буду предварительно объяснять смысл каждого моего вопроса... – он затруднился сразу сказать, чем не подходит подобная процедура и проговорил о другом: – Кое-что проявится, когда Алексей привезет мне некоторые дополнительные средства.

Женщина нервно поморщилась.

– Время, оно течет, как тот проклятый песок.

И Владимир беспокойно добавил:

– Минут через тридцать доставят обед, и мы должны будем разбудить, э, «покойного». Сколько у нас останется после этого?

Но племянник оптимистично ответил:

– А я, допустим, постучал громко в его дверь – там не ответили. Ну и решили – спит себе, лучше часок еще не тревожить. Так ведь, Сергей Петрович?

Нельзя сказать, что нехитрое предложение очень понравилось, но подумав чуть, тот кивком согласился.

И снова спросил, словно подтверждая подозрения в отсутствии реального плана:

– Он что, Олег, все же вел себя беспокойно?.. Снотворное выпил не сопротивляясь?

Женщина громко выдохнула, и в звуке расслышался легкий стон, Владимир отрицательно помотал головой, а племянник Аркадий поделился еще одной несложной идеей:

– Мы вот тут сидим-мучаемся, а у него, возможно, просто произошел сердечный приступ – банальный случай. Экспертиза смерть от остановки сердца обязательно сумеет определить?

Человек на своем председательском месте приостановил движение стакана ко рту.

– Сумеет, это они всегда распознают. Но, – он сделал глоток, погнав немного вино по рту и одобрительно кивнул ему вслед, – но маловероятно, что Олег был сердечником.

Глаза женщины не сумели скрыть – это ей не понравилось.

– Как вы это установили?

– Просто. В боковом кармане его сумки есть пакетик с лекарствами. Там у него аспирин, слабительное, флакончик с нафтизином, – он отчего-то приостановился, – укрепляющие капли для глаз. Вывод простой: Олег аккуратно собирался в дорогу, а ехать сюда на поезде всего с небольшим одни сутки – к организму своему, стало быть, относился внимательно. Однако никаких сердечных лекарственных средств он не взял.

Последние слова прозвучали с немножко вопросительной интонацией.

Женщине опять не понравилось – эта ли информация или что-то еще...

– Сергей Петрович, может быть, погуляем во дворике на свежем воздухе?

Она, не дожидаясь ответа, встала и будто потянула этим из кресла гостя.

Двое мужчин за столиком переглянулись, Аркадий с напряженной улыбкой поинтересовался:

– Это что за интим?

– Интим-интим, а ты, будь любезен, не переходи в мое отсутствие на крепкое.

Тот пошутил неуклюже вдогонку про несвободу брошенного женою мужа.

Гость, меж тем, встав у кресла и поджидая спутницу, сощурил глаза – то ли оттого что в их поле зрения попало нечто его удивившее, то ли не увиденное глазами, а угаданное мыслью, стало тому причиной – он даже слегка замешкался и последовал за женщиной с опозданием.

Солнце наружи уже разыгралось вовсю, и в зенитном своем стоянии обливала землю лучами, добросовестно выполняя надлежащую ей в это время работу.

– Славная погодка, – произнес человек, поднимая слегка к солнцу голову, – сейчас бы куда-нибудь на воду.

Женщина показала рукой в сторону дома:

– Есть бассейн.

– Нет, на большую куда-нибудь, в плесы.

Он улыбнулся вдаль, невидимому отсюда простору, и поймал в ее глазах понимание – им тоже хотелось куда-то на волю.

Это секундное общее между ними оборвалось, она отвела взгляд в сторону и заговорила.

Быстро, словами-ледышками:

– У меня очень нехорошее чувство, Сергей Петрович, чувство веревки, которой нас всех перевязали и вот-вот куда-то потянут. Тут надо не развязывать, а рассекать. Нужен простой, грубый, но эффективный ход. Нужно избавиться от трупа. Но очень надежно. Пусть подозревают потом, сколько хотят. – Она заговорила громче, опасаясь, что ее перебьют. – Пять миллионов вам, и по два миллиона ребятам. Я выделю из собственной доли. Очень простое объяснение – вчера вечером Олег связался с кем-то по телефону и уехал вскоре на подкатившей к воротам машине. Был пьян, на наши слова не реагировал. Ребята этой ночью закопают где-нибудь труп надежно – вы сами знаете, сколько таких, годами не найденных. Сергей Петрович, надо забыть обо всем и разрубить поганый узел, как Македонский когда-то. Надо, понимаете, надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.